

Предисловие

Первые шаги в литературе я сделал в начале 90-х. Интерес ко всему странному, не советскому в ту пору был огромным. Нравились те писатели, которые не боялись подсознания, его лабиринтов. И вот я, как и многие мои сверстники, пытался проникнуть в дебри несознаваемого, еще не обладая достаточным духовным опытом. И я встретил своего Минотавра. И я его описал таким, каким я его увидел. В этот период была создана «Азбука сновидений» и ряд теоретических работ, которые сами собой благополучно затерялись. Когда же я прошел через лабиринт, и разглядел всех этих подмигивающих существ, то я понял, что они мне ничего не дают, и мою глубину не открывают, а отвлекают меня и уводят в еще более густые заросли экзотического и странного, но не глубокого и сердечного.

Подсознание это не только Кафка и Камю, это и Набоков, это символизм, это целый пласт от которого трудно вот так взять и отвернуться. Это нужно пройти насквозь. Неразоблаченное подсознание остается для тебя манком, тем, что будет всегда притягивать и мучить.

В книге «Конфликт «внутреннего» и «внешнего» человека в киноискусстве» (2012) я даю оценку сновидению и сфере подсознания в целом как области, нуждающейся в просветлении и преображении. Но в этой же работе, следуя теперь уже за русской религиозной мыслью рубежа веков, я позволил себе поверхностные суждения о восточной мудрости. Западная философия, и даже мистика, не говоря уже о русской метафизике, так и не приняли духовного наследия Востока, не разглядели один, питающий всякую мудрость источник глубины. Глаза на Восток мне открыли Померанц и Миркина, а, вернее, даже не на Восток, а на целостность мистического опыта.

Подсознание, скажем о нем еще несколько слов, это не то, что однозначно плохо. Вот только в нем нет различения между стихией и духом. Оно тесно связано с интуицией, но до высшей интуиции ему далеко. В него можно входить только как в бесконечное доверие Господу, а не как в свой

эгоистический узкий мир. В заливе вечности, о котором говорил и писал Померанц, тебе уже никакое подсознание не страшно. Григорий Померанц и Зинаида Миркина дали мне тот чистый воздух, которым можно дышать и во сне, и наяву.

И сумеречная зона подсознания, и свет сознания, но сознания ангажированного, заносающегося и претендующего на истинность, таят в себе опасности, которые стоят друг друга. Каков же главный урок Померанца и Миркиной, если сказать коротко? Мы должны преодолеть заблуждения своего поколения, своего народа и даже своего вероисповедания, если поколение, народ и вероисповедание мешают нашей встрече с Богом.